

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 8 (1119).

Суббота, 17 февраля 1945 г.

Цена 45 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. Разгромить до конца гитлеровскую Германию — такова непреклонная воля всех свободлюбивых народов. Отклики писателей на решения Крымской конференции. Информация. По Советской стране. Крупнейшее книгохранилище СССР.
2 стр. Натан Рыбак. Украинская проза. Вас. Гроссман. Вера Шапошникова (отрывок из романа о Сталине). Т. Мотылева. Новый роман Роберта Гриниуды. Симон Чиковани. У каминя Важа Пшавелы (стихи). Марк Соболев. Привал на фольварке (стихи).

3 стр. Мих. Зенкевич. Герои Якутии. Ник. Петров. Рассказы о тыле. Г. Мунблит. Неинтересные приключения. Б. Заходер. Исторические романы Константина Гамсахурдия. Польские народные песни (стихи). С. Займовский. Печать свободной Болгарии.
4 стр. Татари Елхив. Осетинская литература военного времени. Н. Коварский. «Родные поля». М. Гайнуллин. Каюм Насыров. Информация. В ССП СССР. Лучшие фильмы 1944 года.

ПУТЬ ПОБЕДЫ

Конференция руководителей трех союзных держав в Крыму — событие всемирно-исторического значения. На конференции выработан точный план совместных действий союзных держав, направленный к разгрому общего врага и к установлению всех условий для прочного мира, для искоренения агрессии.

«На всем протяжении войны гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки разобщить и противоборствовать друг другу Объединенные Нации», — говорил товарищ Сталин в своем докладе 6 ноября 1944 года. Но игра фашистских политиков в противоречия потерпела крах. Московское совещание, Тегеранская конференция, конференция в Думбартон-Оксе свидетельствовали о прочности коалиции демократических государств. Историческая встреча в Крыму — еще одно блестящее свидетельство прогрессивного сближения трех великих союзников. В этой сплоченности — залог близкой победы над заклятым врагом человечества — германским фашизмом. Вот почему решения Крымской конференции встречены единодушным одобрением советского народа и народов всех демократических стран. Вот почему эти решения прозвучали для гитлеровской Германии, как позорный звон. «Нацистская Германия обречена. Германский народ, пытаясь продолжать свое безудачное сопротивление, лишь делает для себя тяжелее пуну своего поражения». Эти слова сказаны не случайно. Они подтверждены такими вескими аргументами, как безостановочный победный натиск Красной Армии, как десятки тысяч тонн бомб, сбрасываемых союзной авиацией на немецкие города.

Красная Армия изгнала немецких захватчиков из пределов нашей родины, она очистила от немцев Польшу, Румынию, Болгарию, большую часть Венгрии, она помогает героическому народу Югославии в его самоотверженной борьбе против оккупантов, она гонит немцев из Чехословакии. Миллионы трунов немецких захватчиков устала она дороги от Волги до Одера. Твердую почву стала она на германскую землю. Победоносные дивизии Красной Армии прорвали врага в Восточной Пруссии, мужественно сражаясь в Померании, Бранденбурге и Силезии. Они приближаются к границам Саксонии. Гуд наших орудий доносится до Берлина.

Неотраченная опасность нависла над Германией и с запада. Армии наших союзников, очистив от врага территорию Франции, Бельгии и части Голландии, вступают в укрепления линии Зигфрида. На конференции в Крыму «плотно» согласованы и детально спланированы сроки, размеры и координация новых и еще более мощных ударов, которые будут нанесены в сердце Германии» армиями союзных держав с востока, запада, севера и юга.

Час полной расплаты, о котором наш народ думал в самые трудные дни 1941 г., приближается. Кровь погибших героев, стоны замученных женщин и детей, пепел сожженных сел, развалины городов — все будет занесено в счет, который Германия должна будет оплатить.

Святая ненависть поддерживала наш народ в тяжчайших испытаниях, она вдохновляла его на самоотверженный труд во имя победы, она вела наши полки в бой, и она привела их на землю врага. Красная Армия совместно с армиями союзников выполнит свою историческую миссию. Руководители трех союзных держав во

всеуслышание объявили о своих целях и о мерах, ведущих к осуществлению этих целей. Германские вооруженные силы будут разгромлены, германский генеральный штаб уничтожен, военное оборудование будет взято или уничтожено, промышленность, которая может быть использована для военного производства, будет ликвидирована или взята под контроль. Германия должна будет возместить в натуре в максимальной возможной мере ущерб, который она нанесла Объединенным Нациям. Преступники войны подвергнутся справедливому и быстрому наказанию.

Руководители трех союзных держав переключили своей целью — «стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения». (Верхушникам и «арийским» бандам — не место на земном шаре!

Союзные войска оккупируют германскую территорию и обеспечат осуществление всех перечисленных мероприятий.

Превидя свой близкий конец, гитлеровские заправщики и их подручные в смертельном страхе видят, что союзные державы собираются уничтожить германский народ. Мерзавцы, с такой неотвратимостью осуществлявшие свою программу уничтожения целых народов, они меряют всех на свой аршин. Но союзные державы не могут ставить перед собой такую цель, как уничтожение германского народа. Речь идет о полном искоренении из жизни Германии фашистских и милитаристских взглядов. «Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций».

Товарищ Сталин говорил, что «задача состоит не только в том, чтобы выиграть войну, но и в том, чтобы сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны, если не навсегда, то по крайней мере в течение длительного периода времени».

В этих целях руководители трех держав объявили о своем решении создать всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности. На Крымской конференции еще раз подчеркивается, что «столько при продолжении и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества — прочный и длительный мир». Декларация конференции об освобожденной Европе, выводы по вопросу о Польше и Югославии свидетельствуют о наличии тесного сотрудничества и взаимопонимания.

Решения Тегеранской конференции о совместных действиях против Германии были блестяще выполнены. Скоро мир будет свидетелем столь же полного и точного выполнения решений Крымской конференции.

В ожидании близкой победы еще упорнее будут работать труженики советского тыла, еще самоотверженней будут сражаться воины Красной Армии.

Ни отчаянное сопротивление, ни демagogическая пропаганда, ни лицемерные прищипания — ничто не спасет фашистских негодяев от суда!

Решения Крымской конференции войдут в историю как пример сплоченности трех союзных держав, как пример единства целей и действий, которые должны обеспечить полную победу демократии.

Крупнейшее книгохранилище СССР

Постановлением Президиума ВЦИК СССР 8 февраля 1925 г. Румянцевская библиотека была преобразована в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина.

Прошло двадцать лет. Ленинская библиотека превратилась в одну из крупнейших библиотек мира. В настоящее время ее фонды насчитывают 10 миллионов томов (книг и журналов) на 160 языках.

Своей повседневной работой с читателем библиотека руководствуется указаниями В. И. Ленина «...видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько в ней редкостей, сколько каких-нибудь изданий XVI века или рукописей X века, а в том, как широко обращаются книги в народе, сколько привлечено новых читателей, как быстро удовлетворяется любое требование на книгу, сколько книг роздано на дом, сколько детей привлечено к чтению и пользование библиотекой...».

За двадцать лет Библиотека имени Ленина обслужила миллионы читателей. Только за один 1944 год библиотеку посетил миллион человек.

Библиотека имени Ленина имеет ряд филиалов в крупнейших культурных учреждениях столицы — Дворце культуры Автозавода им. Сталина, Центральном парке культуры и отдыха им. Горького и др.

Библиотека создана большая сеть межбиблиотечного абонемента, имеющего около 1500 точек, через которые обслуживаются научные работники, организации и ученые многих городов нашей страны.

Накануне войны библиотека имела 1.384 абонента, которым было выдано свыше 80 тыс. книг.

В 1936 г. Ленинской библиотеке была передана весь книгофонд с библиотеки. В настоящее время она связана с 36 странами и в первую очередь с Англией и США, а также с которыми идет через крупнейшие национальные библиотеки этих стран — Британский музей в Лондоне и Библиотеку Конгресса в Вашингтоне. Благодаря международному обмену Ленинская библиотека получает ежегодно десятки тысяч книг и журналов из-за границы (в 1941 г. библиотека получила 29.290 экз., отравив 16.409).

Кроме обмена, библиотека выписывает значительное количество книжной и периодической литературы. В 1940 г. библиотека получила 436 названий.

Библиотека располагает рядом огромных каталогов, созданных в основном за последние двадцать лет, содержащих миллионы карточек. В настоящее время подается к концу большая работа над генеральным систематическим каталогом.

Важнейшее место в деятельности библиотеки занимает справочно-библиографическая работа. В 1927 г. — через 2 года после преобразования — библиотекой было выдано 10 тыс. справок, а в 1944 г. эта цифра возросла до 49 тыс.

Справочно-библиографическая работа библиотеки отвечает на все запросы советской культуры и науки. В период статистических исследований библиотекой выданы десятки тысяч справок по вопросам промышленного строительства, сельского хозяйства, коллективизации, строительства городов, каналов, метрополитена и т. д.

Напечатаны библиографические справочники по различным отраслям науки, литературы, искусства, истории и т. д. Среди них: «Что читать о Сталинской Конституции СССР», «История СССР с древнейших времен до конца XIX в.», «М. И. Калинин — 25-летие пребывания на посту руководителя верховного органа советской власти» и др.

Богатейшие фонды библиотеки используются при постановках многих известных кинокартин, театральных постановок, при подготовке таких капитальных изданий, как Большая советская энциклопедия, Малая советская энциклопедия, Литературная энциклопедия, История гражданской войны и др.

Война поставила перед Библиотекой им. Ленина ответственнейшую задачу — составить аннотированную библиографию Отечественной войны с целью учета и систематизации всей литературы, отражающей великие события наших дней.

Вчера, 16 февраля, состоялось торжественное заседание, посвященное 20-летию со дня преобразования Румянцевской библиотеки в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. С докладом о деятельности библиотеки за 20 лет выступил директор библиотеки имени В. И. Ленина В. Олишета.

С приветствием библиотеке в связи с ее юбилеем выступили от имени Академии наук СССР академик Державин, от имени Московского университета ректор МГУ профессор Галкин, от Союза советских писателей С. Маршак и другие. Участники торжественного заседания с большим воодушевлением приняли приветствия товарищу И. В. Сталину и товарищу В. М. Молотову.

Разгромить до конца гитлеровскую Германию — такова непреклонная воля всех свободлюбивых народов

Гитлеровская Германия обречена

Меня, как белоруса, чью родину беспощадно разорил хищный фашизм, более всего волновали вопросы справедливости возмездия врагам и быстрого восстановления разрушенного родного края. Меня беспокоила также судьба братской Польши и те отношения, которые могли установиться между ней и Советским Союзом, а следовательно границей с Польшей. К моему великому радости оба эти момента нашли свое полное выражение на исторической Крымской конференции.

Военный разгром фашистской Германии, так авторитетно возмещенный на этой конференции, представляется теперь фактом ближайшего будущего. Красная Армия на широком фронте вторглась в пределы Германии и сражается на подступах к Берлину. Колоссальная роль Красной Армии в освобождении славянских стран от гитлеровского порабощения и в военном разгроме гитлеризма признана всем миром. Безоговорочная капитуляция фашистской Германии обеспечена. Красная конференция заявила, что судьба гитлеровской Германии предана, что час полной победы над заклятым врагом человечества недалек.

Раздуть все свободлюбивое человечество и разрешение польского вопроса, устраняющее все противоречия, в которых таилась опасность для единства демократических государств. Ныне надежды фашистских главари на разногласия среди союзников повергнуты в прах. Гитлеровская Германия обречена! Зубы прусского милитаризма будут выбиты.

Язуб КОЛАС.

Близок час

Конференция трех великих держав в Крыму самым недвусмысленным образом заявила, что судьба гитлеровской Германии предана, что час полной победы над заклятым врагом человечества недалек.

Весь наш народ встретил это заявление с огромной радостью. Мы еще раз убеждаемся в том, что наши усилия, наши неисчислимые жертвы, принесенные во имя победы, не пропали даром, и что скоро уже наступит то время, когда народы смогут вернуться к мирному труду, созидательной творческой работе.

Огромное удовлетворение вызывает та часть решений Крымской конференции, в которой говорится, что виновники войны не уйдут от справедливой кары за свои преступления, что они будут наказаны и что Германия обязана будет возместить тот ущерб, который нанесла она человечеству в эту войну.

Великой надеждой всех свободлюбивых народов является решение конференции о том, как будут использоваться всеми народами дельного и надежного мира.

Во всех этих и других вопросах три великие державы выразили свое полное единодушие. И это дает каждому из нас новые силы, чтобы бороться до конца.

М. ИСАКОВСКИЙ.

Воля к победе

Фашистские варвары хотели превратить мир в немой концентрационный лагерь. И поэтому не случайно, что за время своего существования так называемая фашистская «культура» не создала буквально ни одного произведения, лежащего в пределах искусства. Конечная война, будут названы огромные потоки о ставших людях, о мести фашизма, о воле народа к победе, о счастливой жизни. Меня, как писателя, волнует образ человека, который прошел через все невероятные ужасы войны, проявил благородство духа, чистоту любви к родине, гордость и достоинство личности. Это образ многих тысяч наших воинов, простых и порой незаметных, говорящих на различных языках, но действующих во имя одного светлого идеала, во имя свободы и торжества человеческого разума. Решения Крымской конференции вдохновляют и нас, писателей.

Рисун РЗА.

ПРИГОВОР ИСТОРИИ

Самым решающим для оценки международного положения в данный момент является то, что война идет на территории Германии. Бремя испытаний войны, дробящие удары ее молота переделаны на спину виновника мирового несчастья — на Германию.

Нельзя без грубого сожаления читать сводки Красной Армии. Битвы идут в пределах гитлеровского государства. Дороги наступления врезались в недра немецкой земли. Силезия, Бранденбург, Померания содрогаются под маршевым шагом советских войск. Уже недалеко границы Саксонии, уже ждет своего заслуженную участь Берлин.

Немецкий народ понимает то, что посягает его преступным управителями. Он оплевывает войну не только своими армиями, но своими городами и селами. Немцы уже застали о «невыходе» войны. Они просят, чтобы фашистские гитиманы, пока она была «выходной» для них, пока, распространяя в мире свою тиранию, они грабили и уничтожали другие народы. Теперь они «разочаровались», потому что настало время платить. С востока идет казачья Красная Армия, с запада нарастает давление армий Соединенных Штатов и Великобритании.

И вот в эти дни Крымская конференция союзников заявила во всеуслышание, что у Германии нет и не будет никакой надежды ускользнуть от ответственности за мировую войну. Ничего, кроме безоговорочной капитуляции. Ничего, кроме разоружения германской армии, наказания преступников войны, возмещения убытков за разрушения, причиненные немцами.

«Стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения» — вот истинно мудрое решение, которое, будучи осуществленным, вызовет великий вздох облегчения у каждого честного человека.

С неубоимой верой в победу, с неубоимым удовлетворением чувства справедливости прочтываются декларация Крымской конференции. Это исторический приговор Германии, Германия должна искупить горе мира, и она искупит его.

Никогда еще, как сейчас, не было в нас такой совершенной убежденности в том, что воля союзников относительно немцев осуществится в совершенной непреклонности. План выработан. А мы уже видели, как приводились в действие планы такой же конференции в Тегеране. И скоро немцы почувствуют, что означают заветные слова великих держав об ударах, которые предостоят с востока, запада, севера и юга».

Справедливейшее возмездие

Зверь заперт с востока и запада, с севера и с юга. Он барахтается, захлебываясь в собственной крови. Пусть он вспомнит теперь о тех миллионах жизней, которые он погубил на своих фабриках смерти, в душевых и газовых камерах. Нет для фашистов ни земли, ни неба. Есть для них только смерть.

После первого сообщения о встрече трех представителей трех великих держав все народы земного шара обратили свои сердца, свой взор в сторону Черного моря. Затана дышание, ожидали они дальнейших известий об этой встрече, которая отныне войдет в историю человечества, как встреча в сил добра и справедливого возмездия.

В опубликованных решениях Крымской конференции слышится мощный голос, выражены воля, сокровеннейшие желания народов, отринувших от всех других проблем и забот во имя одной цели — окончательного сокрушения фашизма и создания лучшего будущего.

Сердце наполняется чувством глубокой благодарности к товарищу Сталину, который своим гением поднял нашу родину к вершинам небывалой мощи и благородства и дослал в наших народах беззаветную преданность идеям свободы, красоты и счастья.

Л. КВИТКО.

ПОБЕДА РАЗУМА И ПРАВДЫ

Крымская конференция — это залог победы стран демократии над фашизмом. На земле не будет больше места варварству и мракобесию, в которое хотели вернуть человечество фашистские звери. Окончательное уничтожение фашизма, это дело злейшего врага свободы и культуры, глубокого выкорчевывание его человека.

Огонь ненависти

В исторических решениях Крымской конференции намечены мероприятия, не только по быстрейшему уничтожению фашизма, но и по быстрейшему прекращению кровопролитную войну, но также указаны действенные меры, обеспечивающие человечеству мир на долгие годы.

В годы своего хозяйничанья в Осетии немцы уничтожили много ценностей нашего народа, превратили в руины города и села. Они должны ответить и за эти преступления.

Советские писатели Осетии с оружием в руках отстаивали свободу нашей великой родины, своим пламенным словом они разжигали в сердцах осетин неугасимый огонь ненависти к врагу, немеркнущую любовь к родине.

Решения Крымской конференции вдохновляют нас на создание произведений, которые были бы достойны нашего героического народа.

Дабэ МАМСУРОВ.

ПУТЬ ТРУДА И МИРА

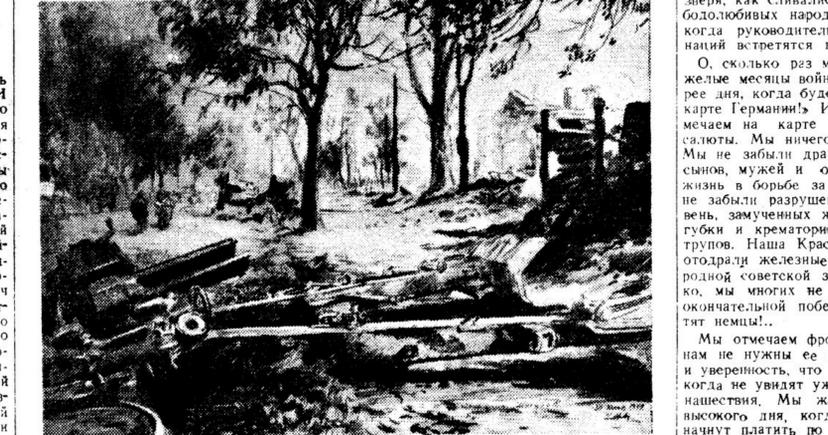
Крымская конференция — это необходимое и безотлагательное событие, которого с нетерпением ждал весь мир и появление которого приветствовал с воодушевлением все человечество. Крымская конференция, плодотворная встреча трех руководителей великих держав — это путь, по которому пойдет, в торжестве и созидании, человечество. Это путь труда и мира. Это — путь осуществления великих идеалов человечества, идеалов прогресса, цивилизации и культуры. Решения конференции вдохновляют человечество на еще более могучие и широкие подвиги, вдохновляют его на последние битвы, где будет окончательно разгромлена и уничтожена фашистская Германия, черное и мрачное пятно современной истории. Безбрежная невиданная народов фашизм, занята в решениях конференции свои тарды и в то же время гибкие формы, наша свой закон, имя которому — возмездие. Возмездие фашизму, возмездие фашистской Германии, возмездие всем убийцам, предателям, насильникам и палачам!

Мы не забыли... Как далеко в грядущее смотрят все планы и решения Крымской конференции, и вместе с тем как ярко вспоминается недавнее прошлое. Можно ли забыть душе, жаркое утро 3 июля 1941 года, когда Сталин сказал нам: «Наша война за свободу нашего отечества солется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». Мы видели, как все ширится этот фронт всемирной борьбы против фашистского зверя, как сливались воедино усилия свободлюбивых народов, и вот недалек час, когда руководители борьбы объединенных наций встретятся в Берлине.

О, сколько раз мечтали мы в самые тяжелые месяцы войны: «сдаться бы скорее дня, когда будем размечать фронты на карте Германии!» И вот, дождались: размечем на карте Германии московские слезы. Мы ничего, ничего не забыли... Мы не забыли драгоценной крови наших сынов, мужей и отцов, отдавших свою жизнь в борьбе за свободу родины. Мы не забыли разрушенных городов и деревень, замученных женщин и детей, душегубки и крематории, лесные костры из трупов. Наша Красная Армия, наш народ отодрали железные когти зверя от нашей родной советской земли. Это было нелегко, мы многих не досчитаемся в день окончательной победы — и за это ответят немцы!..

Мы отмечаем фронт на карте Германии, нам не нужны ее города, нам нужен мир и уверенность, что наши дети и внуки никогда не увидят ужасов и мук вражеского нашествия. Мы ждем того счастливого, высокого дня, когда в Берлине немцы начнут платить по счету.

Анна КАРАВАЕВА.

Военный пейзаж. Художник Н. АВБАКУМОВ (Студия им. Грекова).

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

НАКАНУНЕ 27-й ГОДОВЩИНЫ КРАСНОЙ АРМИИ

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). Ленинградское отделение Союза советских писателей развезло широкую подготовку к празднованию 27-й годовщины Красной Армии. В частях Ленинградского фронта, Краснознаменного Балтийского флота, на фабриках и заводах, вузах и школах, а госпиталях, в ремесленных училищах организуются доклады и выступления писателей-фронтовиков. С докладами и чтением своих произведений выступят:

ПАМЯТИ А. И. ГЕРЦЕНА

Скандинавский рассказчик о жизни Герцена на формирование философских воззрений В. Т. Беллинского и о творческом содружестве двух великих мыслителей XIX века. С большим интересом прослушали собрание, выступил профессор М. Алексеева на тему «Герцен и Карлейль».

СОБРАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАЗАХСТАНА

АЛМА-АТА. На собрании интеллигенции столицы Казахстана выступил Мухтар Ауэзов, рассказавший о работе писателей и акынов в дни войны.

В первую очередь привлекают внимание произведения писателей-фронтовиков: Аманжолова, Сарсенбаева, Сайна, Абдылаева, — говорит М. Ауэзов.

В области поэзии с самого начала войны успешно выступают Гали Орманов. Его стихотворения проникнуты большим лиризмом, искренней возлюбленностью, душой о родине и ее судьбах.

Поэт Тажибаев Абдылда написал новую пьесу «Котерилев-Кунбег» («Возвращение в родные края», посвященную 20-летию братской Узбекской республики.

АЛМАНАХ «ПОДСОЛНУХ» К. Гордиенко, Н. Забыли, В. Владко, Л. Юханда и др. Книга богато иллюстрирована.

ИЗДАНИЕ УКРАИНСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТРУДОВ

КИЕВ. Украинское государственное издательство готовит к печати 18 литературоведческих трудов, написанных украинскими учеными. Среди них произведения акад. А. Белецкого — «Античные наследия украинской литературы» и «Росийско-украинское литературное единение», акад. М. Возняка — «Квинта-Осньювненко», проф. В. Мяслова — «Иван Кривонос», проф.

СТИХИ ЛЕСИ ШУДРИ

КИЕВ. Заседание поэтической секции Союза советских писателей Украины было посвящено ознакомлению с произведениями Леси Шудри. Молодая поэтесса читала свои стихи на исторические темы: «Половизы», «Содийка», «Шевченко на Пралучине» и несколько лирических стихотворений.

ЭКСПОНАТЫ ДЛЯ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ ЯНИ КУПАЛЫ

МИНСК. Начался сбор экспонатов для литературного музея, посвященного жизни и творчеству народного поэта БССР, академика Янки Купалы.

Приобретены книги Я. Купалы на языках народов СССР, письма поэта и к поэту, редкие фотографии. Группе художников заказаны картины, посвященные Я. Купале, его дружбе с М. Горьким, а также иллюстрации к произведениям поэта.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В СУВОРОВСКОМ УЧИЛИЩЕ

ЕЛЦ. В Орловском суворовском военном училище состоялась литературная конференция, организованная командованием училища совместно с Детгизом.

Участники конференции, воспитанники старших курсов, заранее познакомились с книгами, вышедшими Детгизом в серии «Военная библиотека школьников», в частности «Оборона Сталинграда» В. Гроссмана, «Панфиловцы на первых рубежах» А. Бека, «Гитлер» К. Симонюва, «Красная ракета» В. Березко, «Комсомольский пикиет» А. Перенчева, «Гвардии радодовой» Л. Пантелева и др.

УКРАИНСКАЯ ПРОЗА

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Украинская проза богата прекрасными традициями. Подлинная народность лежала в ее основе. Украинские прозаики отражали жизнь и чаяния народа, и лучшие их произведения стали зеркалом народной бессмертной души.

Михайло Коцюбинский в свое время воспринял славные традиции украинской литературы; он с неподражаемым мастерством создал в украинской прозе строгую новеллу, отрешившись от расплывчатого бытовизма и натурализма. Коцюбинский — новатор, и это его значение ценно по сей день. Хорошо зная народ, его великую созидательную силу, Коцюбинский изобрел точные методы раскрытия самого типичного в жизни, самого характерного.

Страстный гласный друг русской и украинской литературы, он закрепил свой стремление личной дружбой с Максимом Горьким.

Думаю, что разговор о прозе наших дней необходимо начать, припоминая завесы над лучшим прошлым украинской прозы, приходящим к бессмертным источникам, которые питали ее величие, ее силу. Мне кажется, что подлинная народность, как она мы видим у Коцюбинского, всегда сочетается с великим, переставшим исканьем социальных форм.

Украинская проза и ныне стоит на этом пути.

В годы суровых испытаний, выпавших на долю нашего народа, украинские прозаики были солдатами, достойно и мужественно борющимися с врагом. В дни побед они с новой страстью поют славу силе и величии нашего народа. Долг писателя для нас всегда был и остается тождественным с долгом гражданина.

Писатели воюют своим оружием, это общепонятно и не нуждается в доказательстве, но оружие должно быть технически совершенным. Наши ученые конструкторы-инженеры дали в руки воинам Красной Армии новое оружие, смертоносное для врага, могучее и непобедимое; гвардейский мотометод во много раз эффективней обыкновенного мотометода, изобретатель «Лавочкин» — совершеннейший «Чайка».

Думаю, что писать о героях Отечественной войны тоже надо по-другому; писать так, как мы писали о стальных нахальцах войны, уже немисливо. Даже пейзаж украинского села, степи, или днепропровского берега невозможно давать теперь в том ритме, как мы писали в прошлом. Сама жизнь призывает нас, обязывает нас писать по-новому.

Было бы несправедливо не сказать, что многое, написанное украинскими прозаиками за годы войны, отмечено неотклонным стремлением к новаторству. Но есть и то, что внушает опасения, о чем следует говорить, от чего нужно отрешиться. Полагаю, этим пора заняться, тем более, что прозаики и поэты наших союзных республик многие знают, так сказать, только по словесному составу, существующему в Союзе писателей, да еще по хронике. Между тем существуют произведения и существующие создатели этих произведений, существует настоящая, большая, серьезная проза.

Война изменила облик Украины. Немцы унесли стране кровавые раны, взорвали леса, разграбили села, сожгли леса, устремились вглубь Украины, на великие долины Украины, после немеческого нашествия. Но писателю мало видеть лицо, он призван проникнуть в душу, изображать тревогу нового, людей, завоевавших свободу родины и возрождающих города, заводы, фабрики, села.

Мастера победы и мастера возрождения — будущие и настоящие герои наших книг. Об этих героях мы должны писать новыми словами, со страстью, Волнение, осязающее их в часы подвигов, должно осязать нас, пишущих о них.

К сожалению, это не всегда так. Когда я читаю —

«...Летела ласточка и присела отдохнуть на тень, а ласточке солнце теплыми лучами согрело ее крыльями и осветило ледяные когти и острый клюв. Разбежалась в разные стороны хвосты села, запелась, пригорюнилась...» — мне думается, что так можно было писать много лет тому назад, а не теперь, изображая украинское село. Между тем тон спокойной серьезности присущ ряду произведений современных украинских прозаиков. Расплывчатый, безвольный бытовизм с неизменным механическим использованием народных поговорок, с прибавлением всех «ей» и «гей» на общезвестных песен и дум должен — по замыслу некоторых — свидетельствовать о «народности».

До войны нами сделано немало оплошностей. Памяти многочисленных споры о центральной теме украинской прозы и о том, что «больше нужно» — современный роман или исторический, как будто исторический роман Ивана Ле «Украина» не является современным. Я видел в этом году в Трансильвании бойца-гвардейца И. Н. Сидорова. Он читал жабно при свете лампы «Капитанскую дочку» на расвете он уходил в бой. Мы хорошо знаем, что читатель любит хорошие книги, а те книги, которые должны быть книги, написанные на любые темы.

Я видел произведения украинских прозаиков в полетах сумках бойцов и офицеров. В свое время издательство Союза советских писателей Украины получило много сотен писем-заказов на библиотечку «Броня» и «Кля» издалу для фронта. В этих письмах много одобрительных слов.

Запомнилось письмо сержанта Остапенко из Севастополя: «Большое вам спасибо, товарищи земляки, писатели, за ваши книги; хорошо вы пишете о войне, но я хочу вас попросить, чтобы вы написали, как мы выжили, пусть когда-нибудь увидят перед собой сошедший дым и нашу страшную борьбу с проклятыми немцами и скажут они спасибо вам, тем, кто написал про нас, и нам, кто воевал за победу».

Этот сержант требовал историческую книгу, книгу для истории.

До войны некоторые критики выступали против увлечения украинскими прозаиками историей, а война показала, что исторические романы о Богдане Хмельницком, Богуне, отсутствие книг о славных победах украинского народа над своими поработителями является весьма ощутимым недостатком нашей литературы. Все темы хороши и все темы нужны. И если Иван Ле поставил творческой задачей создание серии романов о прошлом Украины, о борьбе украинского народа за свободу — от времен Наливайки до нынешних дней, — то надо поощрять хороший замысел писателя.

Принято говорить, что в годы войны украинские прозаики писали меньше и слабее украинские поэты. Такое утверждение, на мой взгляд, не совсем правильно, и хотя бы потому, что принцип сравнения в данном случае беспредметен и писать обязаны и прозаики, и поэты. Мы гордимся странностями своей прозы. Это не ведомственный восторг прозаика, а справедливое ощущение места и значения украинской прозы в жизни народа. И это, конечно, обязывает нас ко многому.

Спору нет — украинская проза молодая, но настолько, чтобы этим объяснить отсутствие романов и повестей на многие исторические и общественные темы. Следует приложить все усилия, чтобы расширить круг интересов прозаиков, надо, чтобы книги, над которыми будем работать, охватывали все стороны жизни.

Поэзия В. Собоко — «Кровь Украины» и С. Скляренко — «Украина зовет» посвящены первому этапу Отечественной войны. Спешка сказана на качество, но у этих книг есть достоинство, и прежде всего в них видна страсть художника, воспевшая силу и волю народа. Собоко и Скляренко не желали просто отразить события; они пытаются найти какие-то новые литературные приемы, чтобы закрепить новые качества советских людей, но почему так взволнованы манера их писателя.

Интересную по замыслу и стилю книгу «Земля любви» написал Юрий Яновский. Поэт Левин Переможский опубликовал книгу ярких рассказов об Отечественной войне.

Понски новой формы надо поощрять; наша же украинская критика склонна на одобрять все спойное, уравновешенное, — так писали, зачем дребнебегать созданным приемами? Что сказали бы спокойные критики, если бы в наши годы снова стали бы возить чумаки на ролах, перебрывая для этой цели железной дорогой? И здесь опять возвращаешься к мысли, что нельзя писать о войне или о колхозе так, как много десятков лет тому назад писал Нефуй-Левчицкий поэмой «Старовесные батюшки и матушки».

Юрий Смолич написал книгу рассказов о партизанах. Книга Смолича, на мой взгляд, — хорошая история. Он шел не проторенным путем, не выписывая бытовые мелочи затайливым мелким узором, но со свойственной ему динамикой разрабатывал тему, повторял события и факты неожиданно и смело. Вот почему интересны герои его книги, прост и ясен их язык.

У нас часто требуют «стелать» — вих, мол, искусство. Но есть ли нужда подробно описывать колесо, юбку станахонки, подчитывать, сколько бусенок и какого они цвета на ниточке. Детали хороши, когда они существуют для чего-то, а не сами по себе.

Эпоха изменила привычки народа, его характер. Представление о широкостанном украинце, потощавшем сотни галушек, бессмысленно. Дважды Герой Советского Союза Дмитрий Глинка, прославившийся своим искусством, и разве черта медлительности отличает кривоножцев Завертайла и Ерменка, выполняющих взломную норму шестидесяти рабочих? Или медлительностью отличаются знающие люди Украины — Сороковой и Семиволоос?

Медлитель ли был лейтенант Солушенко, уничтоживший на танке три батареи противника и давший гитлеровцев, разгромивший орудийный пункт врага?

Почему же проза, воссоздавая жизнь народа, не должна воспринять позитивную динамику, могущую силу движения вперед? Это непреломное условие победы, выигрыша битвы. Мы утверждаем: наши писатели стоят у истоков народности; сегодня же народ наш живет по-иному и работает по-иному. Святая обязанность — поспевать, не отставать от народа. Это и есть законное новаторство.

Украинский народ, пройдя через испытания войны, стал лучше, красивее, могущественнее. Краше, ярче должны стать и наши проза и поэзия. Украинская поэзия давно стала всеобщим явлением. И если читатели знают меньше о нашей прозе, то только потому, что прозу меньше переводят, а кроме того, существует до сих пор недоразумение: в украинской прозе пишут того же, что и в поэзии, ищут в украинском романе напевность и «думу», полагая, что это и есть от-отрицательное, неотъемлемое качество украинской прозы.

Вера Шапошникова задохнулась от страхи, остановилась на лестнице между третьим и четвертым этажом. Все огромное здание госпиталя вздрогнуло, стекла звонко позвякивали, где-то рхнула штукатурка, и жалкий, детский крик послышался из палаты, где лежали ожидавшие операции.

Вера закрыла лицо руками. Первая мысль, пришедшая в голову, что сейчас на нее посыплются стекла, изрежут щеки, губы, изуродуют ее лицо, и никогда уже не законят ее целовать лейтенант Виктор. Потом она сразу же подумала о том, что ее заставят выносить раненых, и мысль о принуждении показалась ей в эту минуту ужасной. Ей захотелось убежать, укрыть себя, стать безразличной для приказаний. В это время послышались один за другим несколько взрывов, они все приближались — ясно было, что через несколько секунд бомбы покроют госпиталь. Чай-то глоток крикнул сверху: «Дым отсюда!» — и сразу несколько голосов отозвались: «Дым... дым... загорелась пошла... весь этаж горит». Ужас охватил Веру — попутчившими мыслями она бросилась вниз. Казалось, что среди грохота сейчас рухнет и лестница и крыша, что крики, раздававшиеся со всех сторон, направлены к ней, что ее ловят, хотят задержать, и она бежала, задыхаясь, крикая: «Вы не имеете права, вы не имеете права!» А по лестнице вместе с ней бежали сестры, уборщицы, санитарки, заедущий клубком, две девушки из аптеки, усатый доктор из палаты первичной обработки, десятки раненых из различных палат. Двое раненых в ногу бросили костыли и для скорости скользили по лифтовой шахте. Хорошо знакомые лица были совсем иними, она с трудом узнавала их. Ей казалось, что она не узнает эти побелевшие лица, оттого, что у нее мутится в голове и туманит в глазах. На нижней площадке она увидела Виктора и крикнула ему: «Скорей, скорей!»

Внизу она остановилась на мгновение. Все бежало вдоль стены, на которой была прикреплена табличка: «Бомбоубежище». — А бабушка! — подумала Вера. В это время пролет раздался совсем рядом, ее ударило плечом о стену. Она пробежала мимо убежища на улицу. Улица, где находилась ее школа, где она покупала ириски, шла «газиром» с сиропом, воевала с мальчишками, шепталась с подружками, бежала рысью, размахивая сумкой, боясь опоздать на первый урок, и шла особой походкой, подражая Жене, «воображая» десятки различных вещей — грустных, краше, не бывающих в обыкновенной жизни.

Или она испугалась начальства, ответственности, вспомнила о дисциплине, о позоре дезертирства. Было ли то случайное, мгновенное и поверхностное движение? Или, наоборот, закономерный, глубокий процесс, сложивший в одну равнодействующую все то добро, которое вкладывали в ее душу.

Подойдя к госпиталю, Вера увидела, как резко и ясно в как неожиданно разделились люди в эти минуты. Ей, однако, не показалось странным, что сердитая уборщица Тигвица, которую персонал считал грубой и обидливой, и близорукий, вышивавший наметки льняных шельяев доктор Бабад вынесли на носилках раненого, положили его на дворе и вновь вошли в горящее здание. Ей не показалось странным, что те же самое делали еще многие люди: рыбий санитар Никифор, с унылыми, слепыми глазами, необычайно ленивый человек от которого дурно пахло, и старшая медицинская сестра Людмила Савинова, тратившая все деньги на одеколон и пудру, в жалком и тщетном стремлении сорокатыпичной женщины нравиться, и молодой рентген-консультант Виктор Аркадьевич, которого все считали холерным, кишащим своим мастерством, столичным франтом, и кладовщица Анта Аллопонова, подозреваемая в распитии технического коньяка, и выходящая из здания в тылу при столкновении машины с тротуарной, груженной арбузами, которую собирались вынести из госпиталя. — Все эти совершенно различные люди сейчас, — Вера ясно поняла и увидела это, — имели в себе нечто очень большое, важное, что связывало их.

Ее даже удивило, как она раньше не замечала этого общего, объединяющего Никифора и рентгена-консультанта с перстником на пальце.

Так же не удивило ее отсутствие тех, кто, казалось раньше, обязательно должен был здесь.

Те, кто в дыму, под вой и взрывы слышал звуки раненых, тоже не удивились, когда к ним присоединилась Вера Шапошникова. А они ведь тоже жили худое о ней, она читала книжку Дюма и когда раненый позвал ее, сказала: «Ох, отстаньте, честное слово, дайте хоть главу дочитать». Она однажды села чужую порцию второму, она ушла без разрешения, чтобы поспеть в кино, она была девочкой доволно таки азорной, бестолковой и шумной. Она вошла в горящее здание, и ей на третьем этаже кричали: «Выше бесполезно, там уже нет живых!»

Она пошла выше в огонь и в дым, по той самой лестнице, с которой в ужасе бежала полчасу тому назад. Она вошла в палату, в которой двое раненых выборонились в горящих халатах через окна. И это она сделала из чистого азорства, из желания доказать тем, кто не боится смерти, что она тоже ничего не боится, мало того, — что она ловче, отчаяннее их всех. Это был спорт, чистый спорт. Но когда она вошла в комнату с разрушенным потолком, полную жгучего дыма, искр, пламени, и худой, свалившийся с койки человек посмотрел ей в глаза и протянул к ней бледные руки, белые среди белого дыма, она испытала такое жгучее, такое захлестнувшее ее счастье, что даже на секунду удивилась, как сердце могло вместить его. В этой палате, где лежало четверо смертников, двое еще жили. Вера вспомнила, как санитары встали другалки, затем безразличных держат на четвертом этаже, — тяжело и неудобно носить трупы вниз.

Она поняла по взгляду, встретившему ее, что люди эти испытывали чувство более страшное, чем предельную муку. Они испытывали безмерную обиду. Им казалось, они забыты и брошены. И они ненавидели и проклинали род людской, предавший того, кого нельзя предать и забыть: беспомощного человека, лежащего, младенчески слабого, бескровного солдата.

Девушка с круглым, бледным личиком поняла, что почувствовали эти люди, увидев ее. Она потащила одного, и второй спросил ее: «Вернешься?»

— Конечно, — сказала она и вернулась. Потом и ее снесли вниз, и она слышала, как врач, мельком поспотрпевший ее, сказал, отойдя:

— Жалко, молодое существо, щека, лоб, подбородок сильно обожжены. Да, боюсь, что правый глаз у нее потерян. Уродство на всю жизнь.

Когда бомбежка на время утихла, она, лежа в садике, видела одним глазом своим, как мир условный вновь заслонял мир, открывшийся ей в огне. Люди, выйдя из убежища, стали шуметь и распорядиться, и она то и дело слышала начальственный, покрикивающий басок, к которому привыкала за время работы в госпитале.

Об офицере, руководителе участка ПВО, выступавшем в романе носителем государственного, организующего начала, говорится: «Иван Скаржица о жизни был очень простой, он не размышлял много над вещами, не имевшими к нему прямого отношения».

Казалось бы, по крайней мере начинающий архитектор Браунин мог бы жить более сложной умственной жизнью, чем другие лица, действующие в романе. Автор вложил в его уста некоторые колоритные доволно стандартные сентенции, которые должны убедить читателя в глубине его незнания к немцам Браунин действительно ненавидит немцев. Однако и он не только мало склонен самостоятельно мыслить, но и пытается обновить свое недомыслие интеллекту. Он с горечью оглаживает свои книги: «Основы того, что такое, новый лучший мир, плановое хозяйство... да, это глупости, химера, как и его чертежи. Литература поколения, сбившегося с пути... К чему привели все эти понски тысячелетнего царства? К тому, что судьбы человеческие решались теперь не разумом и согласием, а бомбардировками и танками...»

Такого рода рассуждения нам знакомы. И Браунин не любил разговоров о будущем, считая, что «старый порядок был неплох». Но то консервативное уродство, которое у Браунинга было отчасти оправдано его пожимым возрастом и низким уровнем культуры, для образованного юноши Браунин такого оправдания не имеет. Его взгляды расходятся с помыслами широчайших народных масс, противоречат его собственным интересам. Вель и по твоему, скромное счастье, о котором мечтает он с Дженни, может быть прочим лишь при условии, что миллионы «простых людей» будут свободны от нужды и страха за завтрашний день. Естественно, что вопрос о будущем волнует всех тех, кто — на фронте или в тылу — приложил свои усилия к победе.

Рассматривая устремления к справедливому переустройству жизни, как химерические «понски тысячелетнего царства», отказывая разуму в праве на участие в войне, Браунин явно отстает от жизни. Он предпочитает разуму танки. Но примерно ли такое противопоставление? Оно звучит особенно архаично на нынешнем этапе войны, когда разум явно на стороне танков, когда во имя разума, справедливости и «нового лучшего мира» войска объединенных наций истребуют фашистское логово с востока, запада, севера и юга.

Ряди чего погибла Браунин, Дженни, Луисон? Автор полагает, они жертвовали жизнью только для того, чтобы че-

Вера Шапошникова

Вас. ГРОССМАН

Отрывок из романа о Сталинграде

Вера Шапошникова задохнулась от страхи, остановилась на лестнице между третьим и четвертым этажом. Все огромное здание госпиталя вздрогнуло, стекла звонко позвякивали, где-то рхнула штукатурка, и жалкий, детский крик послышался из палаты, где лежали ожидавшие операции.

Вера закрыла лицо руками. Первая мысль, пришедшая в голову, что сейчас на нее посыплются стекла, изрежут щеки, губы, изуродуют ее лицо, и никогда уже не законят ее целовать лейтенант Виктор. Потом она сразу же подумала о том, что ее заставят выносить раненых, и мысль о принуждении показалась ей в эту минуту ужасной. Ей захотелось убежать, укрыть себя, стать безразличной для приказаний. В это время послышались один за другим несколько взрывов, они все приближались — ясно было, что через несколько секунд бомбы покроют госпиталь. Чай-то глоток крикнул сверху: «Дым отсюда!» — и сразу несколько голосов отозвались: «Дым... дым... загорелась пошла... весь этаж горит». Ужас охватил Веру — попутчившими мыслями она бросилась вниз. Казалось, что среди грохота сейчас рухнет и лестница и крыша, что крики, раздававшиеся со всех сторон, направлены к ней, что ее ловят, хотят задержать, и она бежала, задыхаясь, крикая: «Вы не имеете права, вы не имеете права!» А по лестнице вместе с ней бежали сестры, уборщицы, санитарки, заедущий клубком, две девушки из аптеки, усатый доктор из палаты первичной обработки, десятки раненых из различных палат. Двое раненых в ногу бросили костыли и для скорости скользили по лифтовой шахте. Хорошо знакомые лица были совсем иними, она с трудом узнавала их. Ей казалось, что она не узнает эти побелевшие лица, оттого, что у нее мутится в голове и туманит в глазах. На нижней площадке она увидела Виктора и крикнула ему: «Скорей, скорей!»

Внизу она остановилась на мгновение. Все бежало вдоль стены, на которой была прикреплена табличка: «Бомбоубежище». — А бабушка! — подумала Вера. В это время пролет раздался совсем рядом, ее ударило плечом о стену. Она пробежала мимо убежища на улицу. Улица, где находилась ее школа, где она покупала ириски, шла «газиром» с сиропом, воевала с мальчишками, шепталась с подружками, бежала рысью, размахивая сумкой, боясь опоздать на первый урок, и шла особой походкой, подражая Жене, «воображая» десятки различных вещей — грустных, краше, не бывающих в обыкновенной жизни.

Или она испугалась начальства, ответственности, вспомнила о дисциплине, о позоре дезертирства. Было ли то случайное, мгновенное и поверхностное движение? Или, наоборот, закономерный, глубокий процесс, сложивший в одну равнодействующую все то добро, которое вкладывали в ее душу.

Подойдя к госпиталю, Вера увидела, как резко и ясно в как неожиданно разделились люди в эти минуты. Ей, однако, не показалось странным, что сердитая уборщица Тигвица, которую персонал считал грубой и обидливой, и близорукий, вышивавший наметки льняных шельяев доктор Бабад вынесли на носилках раненого, положили его на дворе и вновь вошли в горящее здание. Ей не показалось странным, что те же самое делали еще многие люди: рыбий санитар Никифор, с унылыми, слепыми глазами, необычайно ленивый человек от которого дурно пахло, и старшая медицинская сестра Людмила Савинова, тратившая все деньги на одеколон и пудру, в жалком и тщетном стремлении сорокатыпичной женщины нравиться, и молодой рентген-консультант Виктор Аркадьевич, которого все считали холерным, кишащим своим мастерством, столичным франтом, и кладовщица Анта Аллопонова, подозреваемая в распитии технического коньяка, и выходящая из здания в тылу при столкновении машины с тротуарной, груженной арбузами, которую собирались вынести из госпиталя. — Все эти совершенно различные люди сейчас, — Вера ясно поняла и увидела это, — имели в себе нечто очень большое, важное, что связывало их.

Ее даже удивило, как она раньше не замечала этого общего, объединяющего Никифора и рентгена-консультанта с перстником на пальце.

Так же не удивило ее отсутствие тех, кто, казалось раньше, обязательно должен был здесь.

Те, кто в дыму, под вой и взрывы слышал звуки раненых, тоже не удивились, когда к ним присоединилась Вера Шапошникова. А они ведь тоже жили худое о ней, она читала книжку Дюма и когда раненый позвал ее, сказала: «Ох, отстаньте, честное слово, дайте хоть главу дочитать». Она однажды села чужую порцию второму, она ушла без разрешения, чтобы поспеть в кино, она была девочкой доволно таки азорной, бестолковой и шумной. Она вошла в горящее здание, и ей на третьем этаже кричали: «Выше бесполезно, там уже нет живых!»

Она пошла выше в огонь и в дым, по той самой лестнице, с которой в ужасе бежала полчасу тому назад. Она вошла в палату, в которой двое раненых выборонились в горящих халатах через окна. И это она сделала из чистого азорства, из желания доказать тем, кто не боится смерти, что она тоже ничего не боится, мало того, — что она ловче, отчаяннее их всех. Это был спорт, чистый спорт. Но когда она вошла в комнату с разрушенным потолком, полную жгучего дыма, искр, пламени, и худой, свалившийся с койки человек посмотрел ей в глаза и протянул к ней бледные руки, белые среди белого дыма, она испытала такое жгучее, такое захлестнувшее ее счастье, что даже на секунду удивилась, как сердце могло вместить его. В этой палате, где лежало четверо смертников, двое еще жили. Вера вспомнила, как санитары встали другалки, затем безразличных держат на четвертом этаже, — тяжело и неудобно носить трупы вниз.

Она поняла по взгляду, встретившему ее, что люди эти испытывали чувство более страшное, чем предельную муку. Они испытывали безмерную обиду. Им казалось, они забыты и брошены. И они ненавидели и проклинали род людской, предавший того, кого нельзя предать и забыть: беспомощного человека, лежащего, младенчески слабого, бескровного солдата.

Девушка с круглым, бледным личиком поняла, что почувствовали эти люди, увидев ее. Она потащила одного, и второй спросил ее: «Вернешься?»

— Конечно, — сказала она и вернулась. Потом и ее снесли вниз, и она слышала, как врач, мельком поспотрпевший ее, сказал, отойдя:

— Жалко, молодое существо, щека, лоб, подбородок сильно обожжены. Да, боюсь, что правый глаз у нее потерян. Уродство на всю жизнь.

Когда бомбежка на время утихла, она, лежа в садике, видела одним глазом своим, как мир условный вновь заслонял мир, открывшийся ей в огне. Люди, выйдя из убежища, стали шуметь и распорядиться, и она то и дело слышала начальственный, покрикивающий басок, к которому привыкала за время работы в госпитале.

Об офицере, руководителе участка ПВО, выступавшем в романе носителем государственного, организующего начала, говорится: «Иван Скаржица о жизни был очень простой, он не размышлял много над вещами, не имевшими к нему прямого отношения».

Казалось бы, по крайней мере начинающий архитектор Браунин мог бы жить более сложной умственной жизнью, чем другие лица, действующие в романе. Автор вложил в его уста некоторые колоритные доволно стандартные сентенции, которые должны убедить читателя в глубине его незнания к немцам Браунин действительно ненавидит немцев. Однако и он не только мало склонен самостоятельно мыслить, но и пытается обновить свое недомыслие интеллекту. Он с горечью оглаживает свои книги: «Основы того, что такое, новый лучший мир, плановое хозяйство... да, это глупости, химера, как и его чертежи. Литература поколения, сбившегося с пути... К чему привели все эти понски тысячелетнего царства? К тому, что судьбы человеческие решались теперь не разумом и согласием, а бомбардировками и танками...»

Такого рода рассуждения нам знакомы. И Браунин не любил разговоров о будущем, считая, что «старый порядок был неплох». Но то консервативное уродство, которое у Браунинга было отчасти оправдано его пожимым возрастом и низким уровнем культуры, для образованного юноши Браунин такого оправдания не имеет. Его взгляды расходятся с помыслами широчайших народных масс, противоречат его собственным интересам. Вель и по твоему, скромное счастье, о котором мечтает он с Дженни, может быть прочим лишь при условии, что миллионы «простых людей» будут свободны от нужды и страха за завтрашний день. Естественно, что вопрос о будущем волнует всех тех, кто — на фронте или в тылу — приложил свои усилия к победе.

Рассматривая устремления к справедливому переустройству жизни, как химерические «понски тысячелетнего царства», отказывая разуму в праве на участие в войне, Браунин явно отстает от жизни. Он предпочитает разуму танки. Но примерно ли такое противопоставление? Оно звучит особенно архаично на нынешнем этапе войны, когда разум явно на стороне танков, когда во имя разума, справедливости и «нового лучшего мира» войска объединенных наций истребуют фашистское логово с востока, запада, севера и юга.

Ряди чего погибла Браунин, Дженни, Луисон? Автор полагает, они жертвовали жизнью только для того, чтобы че-

Вера Шапошникова задохнулась от страхи, остановилась на лестнице между третьим и четвертым этажом. Все огромное здание госпиталя вздрогнуло, стекла звонко позвякивали, где-то рхнула штукатурка, и жалкий, детский крик послышался из палаты, где лежали ожидавшие операции.

Вера закрыла лицо руками. Первая мысль, пришедшая в голову, что сейчас на нее посыплются стекла, изрежут щеки, губы, изуродуют ее лицо, и никогда уже не законят ее целовать лейтенант Виктор. Потом она сразу же подумала о том, что ее заставят выносить раненых, и мысль о принуждении показалась ей в эту минуту ужасной. Ей захотелось убежать, укрыть себя, стать безразличной для приказаний. В это время послышались один за другим несколько взрывов, они все приближались — ясно было, что через несколько секунд бомбы покроют госпиталь. Чай-то глоток крикнул сверху: «Дым отсюда!» — и сразу несколько голосов отозвались: «Дым... дым... загорелась пошла... весь этаж горит». Ужас охватил Веру — попутчившими мыслями она бросилась вниз. Казалось, что среди грохота сейчас рухнет и лестница и крыша, что крики, раздававшиеся со всех сторон, направлены к ней, что ее ловят, хотят задержать, и она бежала, задыхаясь, крикая: «Вы не имеете права, вы не имеете права!» А по лестнице вместе с ней бежали сестры, уборщицы, санитарки, заедущий клубком, две девушки из аптеки, усатый доктор из палаты первичной обработки, десятки раненых из различных палат. Двое раненых в ногу бросили костыли и для скорости скользили по лифтовой шахте. Хорошо знакомые лица были совсем иними, она с трудом узнавала их. Ей казалось, что она не узнает эти побелевшие лица, оттого, что у нее мутится в голове и туманит в глазах. На нижней площадке она увидела Виктора и крикнула ему: «Скорей, скорей!»

Внизу она остановилась на мгновение. Все бежало вдоль стены, на которой была прикреплена табличка: «Бомбоубежище». — А бабушка! — подумала Вера. В это время пролет раздался совсем рядом, ее ударило плечом о стену. Она пробежала мимо убежища на улицу. Улица, где находилась ее школа, где она покупала ириски, шла «газиром» с сиропом, воевала с мальчишками, шепталась с подружками, бежала рысью, размахивая сумкой, боясь опоздать на первый урок, и шла особой походкой, подражая Жене, «воображая» десятки различных вещей — грустных, краше, не бывающих в обыкновенной жизни.

Или она испугалась начальства, ответственности, вспомнила о дисциплине, о позоре дезертирства. Было ли то случайное, мгновенное и поверхностное движение? Или, наоборот, закономерный, глубокий процесс, сложивший в одну равнодействующую все то добро, которое вкладывали в ее душу.

Подойдя к госпиталю, Вера увидела, как резко и ясно в как неожиданно разделились люди в эти минуты. Ей, однако, не показалось странным, что сердитая уборщица Тигвица, которую персонал считал грубой и обидливой, и близорукий, вышивавший наметки льняных шельяев доктор Бабад вынесли на носилках раненого, положили его на дворе и вновь вошли в горящее здание. Ей не показалось странным, что те же самое делали еще многие люди: рыбий санитар Никифор, с унылыми, слепыми глазами, необычайно ленивый человек от которого дурно пахло, и старшая медицинская сестра Людмила Савинова, тратившая все деньги на одеколон и пудру, в жалком и тщетном стремлении сорокатыпичной женщины нравиться, и молодой рентген-консультант Виктор Аркадьевич, которого все считали холерным, кишащим своим мастерством, столичным франтом, и кладовщица Анта Аллопонова, подозреваемая в распитии технического коньяка, и выходящая из здания в тылу при столкновении машины с тротуарной, груженной арбузами, которую собирались вынести из госпиталя. — Все эти совершенно различные люди сейчас, — Вера ясно поняла и увидела это, — имели в себе нечто очень большое, важное, что связывало их.

Ее даже удивило, как она раньше не замечала этого общего, объединяющего Никифора и рентгена-консультанта с перстником на пальце.

Так же не удивило ее отсутствие тех, кто, казалось раньше, обязательно должен был здесь.

Те, кто в дыму, под вой и взрывы слышал звуки раненых, тоже не удивились, когда к ним присоединилась Вера Шапошникова. А они ведь тоже жили худое о ней, она читала книжку Дюма и когда раненый позвал ее, сказала: «Ох, отстаньте, честное слово, дайте хоть главу дочитать». Она однажды села чужую порцию второму, она ушла без разрешения, чтобы поспеть в кино, она была девочкой доволно таки азорной, бестолковой и шумной. Она вошла в горящее здание, и ей на третьем этаже кричали: «Выше бесполезно, там уже нет живых!»

Она пошла выше в огонь и в дым, по той самой лестнице, с которой в ужасе бежала полчасу тому назад. Она вошла в палату, в которой двое раненых выборонились в горящих халатах через окна. И это она сделала из чистого азорства, из желания доказать тем, кто не боится смерти, что она тоже ничего не боится, мало того, — что она ловче, отчаяннее их всех. Это был спорт, чистый спорт. Но когда она вошла в комнату с разрушенным потолком, полную жгучего дыма, искр, пламени, и худой, свалившийся с койки человек посмотрел ей в глаза и протянул к ней бледные руки, белые среди белого дыма, она испытала такое жгучее, такое захлестнувшее ее счастье, что даже на секунду удивилась, как сердце могло вместить его. В этой палате, где лежало четверо смертников, двое еще жили. Вера вспомнила, как санитары встали другалки, затем безразличных держат на четвертом этаже, — тяжело и неудобно носить трупы вниз.

Созыв пленума правления ССП

Президиум Союза советских писателей СССР решил созвать в Москве 16 апреля 1945 года пленум правления Союза советских писателей СССР с участием руководителей республиканских, областных и краевых союзов писателей.

Новая книга А. Адаис

«Почти извирнуть...» — у этой книжки предостаточно нет, и я лишь попытаюсь обозначить, почему и зачем она вышла. Она пишется в меру авторского умения, для первых лет послевоенного, еще немирного времени, для людей из армии будущего переустройства мира... Так начинается новая книга А. Адаис «Записки счастливого человека».

Пленум обсудит доклад Н. Тихонова о советской литературе 1945 года и доклады А. Суркова — о поэзии, Н. Подольная — о драматургии, С. Маршак — о детской литературе.

„В грозую“

Так называется роман Б. Неволова (в Саратове), обсуждавшийся 13 февраля на заседании Областной комиссии президиума ССП СССР.

Пленум обсудит доклад Н. Тихонова о советской литературе 1945 года и доклады А. Суркова — о поэзии, Н. Подольная — о драматургии, С. Маршак — о детской литературе.

Песенные богатства Сибири

Заканчивается разработка материалов двух экспедиций, снаряженных в Сибирь летом фольклорно-домашнего творчества К. Круковского.

Среди последних — несколько вариантов песни о декабристе Иване Григорьевиче Чернышевце. 20 лучших песен включены Комитетом по делам искусств при ЦК СССР в репертуар хоров народного пения.

Оформление детской книги

В 1944 г. Детгиз выпустил 121 книгу для детей младшего, среднего и старшего возраста. Общий тираж этих книг составляет 6.204.600 экземпляров.

В 1944 г. Детгиз выпустил 121 книгу для детей младшего, среднего и старшего возраста. Общий тираж этих книг составляет 6.204.600 экземпляров.

НА СНИМКЕ: один из стэндов выставки в Детгизе. Фото В. Горняева.

Иллюстрация художника С. Герасимова к басне И. Крылова «Три мужика» (Гослитиздат).

Осетинская литература военного времени

С первых дней войны многие осетинские писатели, в том числе Плиев, Кочиков, Кайтуков, Джатиев, Казеков, — в рядах армии. И в первые же дни войны на страницах газет, в эфире зазвучали их патристические стихи, полные гнева к врагу.

Георгий Кайтуков написал на фронте большой цикл стихотворений, составивших сборник «Воевые дни».

В 1941 г. лучшие осетинские писатели — Боичев, Нигер, Кайтуков, Плиев и другие — выступили с коллективным сборником антифашистских произведений.

Ценным вкладом в осетинскую литературу является пьеса беззастенчиво ушедшего от нас Георгия Джатиева — «Черный туман», показывающая патристическое рыцарство колхозника-осетина в дни, когда немцы оккупировали часть Северной Осетии.

В дни войны Нигер написал много очерков и закончил большую исследовательскую работу «Любовь к родине и ненависть к врагам в партизанском эпосе».

В осетинской литературе проза явно отстает от поэзии и драматургии. Прозаики не могут похвалиться сколько-нибудь значительными работами.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Годовщина смерти Эфенди Капиева

Год назад умер талантливый переводчик и новеллист Эфенди Капиев. Критик А. Назаревич в «Дагестанской правде» отмечает заслуги Капиева, показавшего осетинских читателей с лучшими образцами устно-поэтического творчества Дагестана.

Новая книга Михаса Лынькова

Книга Михаса Лынькова «Астап» — первое художественное произведение, изданное Белорусским государственным издательством после освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков.

Н. КОВАРСКИЙ «РОДНЫЕ ПОЛЯ»

У нас все еще, к сожалению, иногда думают, будто фильм делается так: пришел режиссер, стал у съемочного аппарата, собрал актеров и сразу записал вдохновенный протекст.

Сценарий фильма издан отдельной книжкой в Библиотеке кинодраматургии. Он написан отнюдь не холодным ремесленником, но драматургом-писателем.

Лучшие фильмы 1944 года

Закончилась трехдневная дискуссия о лучших советских художественных фильмах 1944 года, организованная Советом Московского Дома кино.

ПЕСНИ И ЧАСТУШКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Смоленский краеведческий научно-исследовательский институт и учащиеся Смоленского педагогического института к сборнику песен и частушек Отечественной войны.

БУДУЩИЕ КНИГИ

В последние месяцы я занят довольно разнообразной работой. Пишу пьесу-сказку по мотивам русской народной поэзии.

К тому времени, когда этот сборник появится, у меня, вероятно, уже будет наполовину готова новая книжка сатиры, так как я продолжаю эту работу без перерыва.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ В ЦДНА

Библиотека Центрального Дома Красной Армии — одна из крупнейших в Москве. Ее фонды достигают 200 тыс. томов.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

15 февраля 1945 года исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося татарского писателя и ученого-просветителя Каюма Насырова.

ИТОГИ СМОТРА ФРОНТОВЫХ БРИГАД

Более 2000 концертных бригад Эсэсовского гастроляно-концертного объединения выезжали за время войны в Действующую Красную Армию.

КАЮМ НАСЫРОВ

Каюм Насыров родился в деревне Верхние Ширданы (ныне Нураевский район Татарии) в 1825 г. в семье бедного крестьянина.

ПАМЯТИ АБАЯ

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения основоположника казахской литературы Абая Кунанбаева.

РАДИОПЕРЕДАЧА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Много новых передач для детей готовит сектор детского вещания Радиокomiteта. С увеличением работает актерский коллектив.

РАДИОПЕРЕДАЧА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Много новых передач для детей готовит сектор детского вещания Радиокomiteта. С увеличением работает актерский коллектив.

В НЕСКОЛЬКО СПРОК

Очень писатели в целях завода «Шаринг» поднимать, устраняет 20 февраля Бюро пропаганды художественной литературы ССП СССР.